

УЧАСТИЕ ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА В ЭВАКУАЦИИ ТЕЛ ПАВШИХ ВОИНОВ С ПОЛЯ БОЯ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Э. В. Старостенко

кандидат исторических наук, доцент

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье рассматривается участие православного военного духовенства в решении проблемы выноса тел павших воинов с поля боя в годы Первой мировой войны. В исследовании приводятся сведения о сложностях, с которыми сталкивались полковые священники, дана информация о предложениях, поступающих от священнослужителей для решения ситуации. Проанализирована попытка организовать духовно-санитарные отряды. В статье приводится информация об обсуждении проблемы на Втором Всероссийском съезде военного и морского духовенства.

Ключевые слова: православное военное духовенство, Первая мировая война, культовая деятельность, погребение, духовно-санитарные отряды.

Введение

Совершение погребений являлось одной из важнейших задач, возложенных на православное военное духовенство. В деятельности, так или иначе связанной со смертью военнослужащих (например, эвакуация тел погибших воинов, организация отпевания и погребения, поддержание порядка в местах захоронения, ведение метрических книг), священники сталкивались с различными сложностями. В статье рассматривается одна из них, а именно – проблема перемещения тел погибших воинов с поля боя и участие в ее решении православного военного духовенства. Источниковой базой исследования выступили архивные документы (фонды Российского государственного исторического архива (РГИА) и Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА)) и материалы периодической печати.

Основная часть

Согласно инструкции полковым священникам (21 июля 1914 г.) во время боя и по окончании его священники должны были заботиться о том, чтобы убитые не оставались без погребения [1, с. 4]. Однако в годы войны было немало случаев как погребений без священников, так и несвоевременной уборки трупов с

поля боя [2, л. 1 об.]. Для выноса тел павших в сражении воинов привлекались санитарные команды, местные жители, музыканты и иные специально назначенные чины полков [3, с. 134-136; 4, с. 177]. Однако санитарные отряды могли не успевать выполнять возложенные обязанности, местное население далеко не всегда оказывалось в зоне ведения боев, военное начальство порой не имело возможности предоставить рабочие руки. Со своей стороны, полковые священники в годы войны прилагали усилия для решения проблемы, чаще всего путем поиска людей, которые бы занимались сбором тел, их перемещением к месту погребения, копанием могил, изготовлением крестов и прочим.

В сообщениях военных священников нередко встречается информация о сложностях организации сбора тел с поля боя. Например, последствием сентябрьских боев под Опатовым стали крупные потери в гвардейской стрелковой бригаде. После отступления противника военные священники 3-го и 4-го стрелковых лейб-гвардейских полков были отправлены на организацию погребения павших воинов: «Трудная задача выпала на их долю. В г. Опатове наблюдалась холера, трупы погребенных начали разлагаться, могилы были разбросаны на десятки верст, рабочих и лошадей после бывших накануне под г. Опатовым боев не находилось» (1914 г.) [5, с. 794]. Результатом проведенной работы стало погребение в братской могиле 517 чинов гвардейской стрелковой бригады.

Священник М. Щербаков в «Письмах из действующей армии» рассказывал, что за пять месяцев службы ему не удалось наладить дело погребения павших в бою воинов: «Иногда бывает так, что на душе остается горькое сознание невыполненного долга, невыполненного иногда в силу физической невозможности, иногда по неопытности, по неумению привлечь к делу помощников, а иногда потому, что те, от кого ждешь помощи и имеешь права ее ждать, ставят тебе преграды. “Убитых хоронит

батюшка», так думает начальство. «Батюшка похоронит, а как – он сам знает, и нам до этого нет дела»» [3, с. 133].

Проблем добавляли сложные ландшафтные и погодные условия. Например, непростая обстановка для организации перемещения тел погибших была в горных районах Галиции. Благочинный 13-й пехотной дивизии И. Голубев принимал участие в сборе тел и оказании помощи раненым в горной местности. Он выпросил у командира полка резервную роту и команду разведчиков: «Целый день вытаскивали из чащи лесной и стаскивали с крутиз горных умерших... и не сносили их на носилках, ибо это было невозможно – в зарослях, прямо на ремнях и веревках стаскивали по снегу к полянкам на склонах гор, где с великим трудом вырыли шесть братских могил, уложили чинно рядами в них моих славных героев-друзей» (письмо от 30 декабря 1914 г.) [6, л. 214-214 об.]. В пяти могилах было похоронено 190 человек, а в шестой и в неприятельских окопах закопали погибших австрийцев.

Известно о гибели военных священников во время перемещения тел с поля боя: в сообщении штаба Верховного главнокомандующего от 28 января 1916 г. говорилось, что на юго-востоке от Залещиков (граница Галиции и Буковины) погиб священник А. Язловецкий, с крестом в руках подбиравший убитых и раненых у проволочных заграждений противника [7, с. 142]. По другим данным, фамилия священника Язловский, он погиб 25 января 1916 г. у селения Глиница [8, с. 187-188].

Помимо поиска помощников от случая к случаю, военные священники искали меры, которые носили бы постоянный характер. В их числе – организация при содействии военного начальства специальных команд для выноса раненых и погибших (нередко формируемых из числа певчих), находящихся в подчинении пастыря. Так, в 49-й пехотной дивизии во всех частях были сформированы команды певчих, на которые, помимо хора, были возложены обязанности санитаров: находясь непосредственно в распоряжении священника, они выносили из боя раненых и убитых, следили, чтобы другие санитары не оставались на перевязочном пункте больше, чем требовалось (9 сентября 1916 г.) [9, л. 222]. Благочинный 6-й пехотной дивизии Н. Переверзев предлагал собранию духовенства 1-й армии выделить певчих в отдельную команду и причислить ее в состав команды сборщиков оружия (18 января 1917 г.). Она должна была состоять из 17 человек, под-

чиняться заведующему оружием, но находиться в ведении полкового священника. На нее возлагались многочисленные обязанности: пение в церкви, устройство церквей и кладбищ, рытье и отделка могил, изготовление крестов и надгробных надписей. Во время боя певчие должны были находиться со священником, приносить с поля боя раненых, делать перевязки, собирать оружие, а после боя убирать тела, рыть с санитарями могилы и хоронить убитых. Такая практика сложилась в 23-м Низовском пехотном полку, где Н. Переверзев служил полковым священником [10, л. 33-33 об.]. Однако собрание отказалось инициировать организацию отрядов ввиду трудности введения их в штат полка: вместо этого было предложено на местах договариваться с воинским начальством.

Осенью 1916 г. о существующих сложностях узнала императрица Александра Федоровна. 7 сентября 1916 г. Г. И. Шавельский писал обер-прокурору Синода, что она предложила на средства богатых монастырей ряда епархий образовать из иеромонахов и послушников духовно-санитарный отряд, который принял бы на себя труд уборки на полях сражений раненых и убитых и погребения последних по христианскому обряду [2, л. 1 об.]. Протопресвитер поддержал предложение. Он писал обер-прокурору, что в армии бывает немало случаев как несвоевременной уборки трупов, так и погребений без священника: несмотря на то, что в годы войны обеспеченность священниками в армии увеличилась в огромной степени, однако разбросанность частей, обстановка боя и другие обстоятельства нередко лишали пастыря возможности поспевать всюду, не говоря уже о потерях в рядах самого духовенства (болезни, ранения, смерть). Он также обращал внимание обер-прокурора на тот факт, что в боевой линии работало большое количество передовых санитарных отрядов от земских и иных организаций, не имеющих священников: в таких условиях «во время боя каждый лишний священник найдет огромный простор для применения своих сил для пастырского труда» [2, л. 1]. То же касалось и помощи физического характера: во время боя, когда дорог каждый лишний боец, монахи или послушники, приняв на себя обязанности санитаров, принесли бы пользу воинским частям [2, л. 1].

Синод поддержал предложение и обратился к епархиям указами от 17 сентября и 4 октября 1916 г. с поручением подобрать кандидатов и выделить финансирование [2, л. 5-5 об, 6-6 об.]. Согласно указам Синода, предлагалось

отобрать кандидатов из Московской, Владимирской, Калужской, Тульской, Тамбовской, Вологодской, Воронежской, Вятской, Екатеринбургской, Иркутской, Казанской, Кишиневской, Киевской, Костромской, Курской, Нижегородской, Орловской, Петроградской, Подольской, Симбирской, Таврической, Тверской, Харьковской и Ярославской епархий. Не все епархии ответили на призыв: на февраль 1917 г. ни кандидатов, ни деньги не прислали Московская, Владимирская, Иркутская, Казанская, Костромская, Петроградская и Харьковская епархии. Нашли кандидатов, но не сообщили о выделении средств Тверская, Орловская, Таврическая и Симбирская епархии. Только деньги обещали прислать Тульская и Вятская епархии. В монастырях Тульской епархии не нашлось монашествующих лиц, которых можно было бы командировать в армию, а кандидаты из Вятской не могли быть призваны «по своим умственным и нравственным качествам» [2, л. 28, 81].

Духовно-санитарным отрядам поручалось делать перевязки, убирать с полей сражений раненых и убитых, копать могилы, напутствовать умирающих и хоронить погибших. Отметим, что допускалось временно направлять входящих в отряды иеромонахов для требов исправления в воинские части и организации, в которых не полагалось священников [2, л. 98].

Возник вопрос о том, в чье распоряжение следует направить эти отряды. Главный священник армий Северного фронта рапортом от 25 ноября 1916 г. внес следующее предложение: предоставить отряды в распоряжение начальников санитарных отделов армий, в ведении которых находились все санитарные учреждения, обслуживающие нужды передового фронта. В этом случае они могли бы распределять отряды по корпусам, придавая их передовым летучкам разных организаций, приемникам для раненых, питательным пунктам [2, л. 65-65 об.]. Решением протопресвитера эта информация была доведена до главных священников. Кроме этого, Г. И. Шавельский рекомендовал до отправления духовно-санитарных отрядов к месту назначения прикомандировать их к резерву санитаров при управлении начальника санитарной части армий фронта для подготовки к санитарному делу [2, л. 98; 11, л. 2 об.].

По данным на февраль 1917 г. для организации духовно-санитарных отрядов в распоряжение протопресвитера было отправлено 121 духовное лицо: 66 иеромонахов, 13 иеродиаконов, 28 монахов, 14 послушников [2, л. 87].

Установлено их распределение по фронтам: на Северный фронт было решено отправить 14 иеромонахов, 1 иеродиакона, 3 монахов, 6 послушников (24 человека); на Западный 9 иеромонахов, 3 иеродиакона, 8 монахов и 4 послушника (24 человека); на Юго-Западный 19 иеромонахов, 5 иеродиаконов, 4 монаха (28 человек), на Румынский фронт 24 иеромонаха, 4 иеродиакона, 13 монахов и 4 послушника (45 человек) [2, л. 90, 97 об. - 100].

Добровольцы должны были быть по возможности просвещенными, безукоризненными по поведению, благоговейными и мужественными. Отметим, что не обо всех кандидатах были предоставлены полные сведения: исходя только из сообщенных епархиями данных, большинство кандидатов были хорошего поведения и способными [2]. Что же касается просвещенности, то, по имеющимся сведениям, среди кандидатов были получившие образование дома, в приходской или сельской школах, в начальных и духовных училищах. Один из иеродиаконов из Тамбовской епархии не только учился в сельской школе, но также прошел обучение фельдшерскому искусству во время военной службы [2, л. 42-61].

Учитывая, что на духовно-санитарные отряды предполагалось возложить работу физического характера, имели значение возраст и физическое состояние кандидатов. К сожалению, епархии не предоставили данные обо всех кандидатах, потому автору удалось установить возраст лишь 51 [2]. На основе только этих данных посчитано, что их средний возраст составил 39,9 лет, при этом самому молодому было 25 лет (послушник), а самому возрастному – 60 лет (монах). Кандидатуру 70-летнего иеромонаха-добровольца из Воронежской епархии отклонили еще в самой консистории, поэтому он не был включен в списки и подсчеты.

Интерес представляет вопрос финансирования этих отрядов. Средства на их содержание должны были предоставить епархии. В поступавшей протопресвитеру информации мы встречаем разные суммы, что связано с финансовыми возможностями епархий. Общая сумма, выделенная духовными консисториями, по данным на февраль 1917 г., была следующей: 32 336 рублей 40 копеек единовременно, 1366 рублей ежегодно, и 2407 рублей 20 копеек ежемесячно [2, л. 87]. Протопресвитер решил, что в месяц иеромонах будет получать 70, иеродиакон 60, монах 50, послушник 40 рублей [11, л. 2].

Реализация данной инициативы не изменила существенно ситуацию на фронте. Главной проблемой стала сложность финансирования отрядов. Не всем епархиям было по средствам содержать своих кандидатов. Так, в апреле 1917 г. Ярославская духовная консистория сообщила, что при нынешней дороговизне жизни монастыри епархии не могут финансировать восьмерых монашествующих по той квоте, которую установил протопресвитер: в ответ было предложено ограничиться отправкой одного вместо восьми [2, л. 101]. 30 мая 1917 г. иеромонах Даниил, командированный в перевязочный отряд 6-й стрелковой дивизии, сообщал о нехватке средств и неполучении пайка для военнослужащих [2, л. 119]. Священник при передовом перевязочном отряде Кавказской гренадерской дивизии иеромонах Тимон 14 ноября 1917 г. писал о невозможности продолжать деятельность из-за нехватки средств (Западный фронт): «Мне ежемесячно отпускается по 70 рублей, а послушнику – по 40 рублей, жить нам приходится всецело только на эти свои средства, коих при нынешней из дня в день возрастающей дороговизне для мало-мальски сносного существования, при всей возможной экономии, недостаточно» [11, л. 31-31об., 34]. Было решено отправить его и послушника обратно в епархию. Главный священник Румынского фронта протоиерей П. Лепорский 7 июня 1917 г. сообщал протопресвитеру, что многие из монашествующих лиц духовно-санитарного отряда Румынского фронта жалуются на неполучение содержания от своего епархиального начальства [2, л. 118].

Не согласны содержать духовно-санитарные отряды были и сами военнослужащие, которые после Февральской революции получили возможность свободно выражать свое мнение и принимать решения. Так, в мае 1917 г. ротный комитет перевязочного отряда 7-й Сибирской стрелковой дивизии нашел пребывание двух монашествующих лиц (иеромонаха Варсиса и монаха Андроника) излишним (как не несущих никакой службы и работы и вследствие приказов об удалении лишних ротных ввиду затруднительности подвоза продовольствия) [11, л. 29-29 об.]. В ноябре 1917 г. главный священник Румынского фронта телеграфировал протопресвитеру о необходимости распустить санитаров-монахов Кишиневской епархии ввиду отказа духовного комитета платить им содержание [12, л. 294].

Встречается информация об увольнении ввиду слабости здоровья отдельных лиц. На-

пример, вышеупомянутый иеромонах Варсис, иеромонах Артемий, прикомандированный к 3-й летучке 26-го передового отряда ВЗС, иеромонах Виктор Астапов, поступивший на обучение в перевязочный отряд 62-й пехотной дивизии [11, л. 28, 30, 32]. Интересно, что в рапорте главного священника армий Румынского фронта от 7 июня 1917 г. было сказано, что главные врачи учреждений, к которым прикомандированы духовно-санитарные отряды, охотно подтверждают ходатайства об увольнении под предлогом болезни и старческой немощи [2, л. 118 об.].

Проблема обсуждалась на Втором Всероссийском съезде военного и морского духовенства в июле 1917 г. [13, с. 102-104]. В докладе священника И. Яструбецкого было озвучено, что полковой священник испытывает огромные затруднения в организации погребения убитых: «Даже в периоды некоторого затишья при позиционной войне священнику нередко в течение иногда многих часов приходится ходить к начальникам команд полка и выпрашивать рабочих для погребения одного-двух убитых. А при маневренной войне дело обстоит еще хуже... Идет бой. Все, что только есть в полку, хоть немного не занятого боем, все это мобилизовано для своевременной подноски и эвакуации раненых... Найти в такое время людей для погребения убитых – это невозможное дело. А на утро полк ушел уже верст на 20 вперед, преследуя отступающего противника. И за полком двинулось все, что принадлежит полку... И лишь священник с церковником остается среди десятков, порой сотен убитых, своих и чужих, на пространстве десятка иногда квадратных верст, разбросанных посреди посевов, либо по оврагам и перелескам» [14, л. 99]. По мнению докладчика, проблема сложилась потому, что в штатах пехотных полков не были указаны лица, обязанностью которых является рытье могил, изготовление гробов и крестов. Докладчик предлагал выделить команду певчих в количестве 16 человек, которая бы составила хор, осуществляла погребение павших воинов и подчинялась исключительно священнику. Съезд большинством голосов поддержал доклад и постановил просить протопресвитера возбудить перед Верховным главнокомандующим ходатайство о выделении в подчинение священника команды певчих (12–16 человек) до конца войны [14, л. 97]. В архивных документах автору не удалось обнаружить информацию о реализации данного решения съезда.

Заключение

Проанализированные данные позволяют сделать вывод о том, что на протяжении всей Первой мировой войны сохранялась проблема несвоевременной уборки тел с поля боя, имели место сложности с поиском рабочих рук для организации выноса и предания земле павших воинов. Это обуславливалось ходом боевых действий, особенностями погоды и ландшафта (болота, горы), острой нехваткой рабочих рук, иногда неготовностью воинского начальства или местной администрации оказать помощь. Православные военные священники сообщали о том, как те или иные обстоятельства сказывались на осуществлении погребений, писали о предпринимаемых ими мерах по решению возникающих проблем (например, о выделении специальных команд в распоряжение священников). Нерешенность ситуации привела к вмешательству в дело осенью 1916 г. императрицы, в результате чего были организованы духовно-санитарные отряды из послушников, монахов, иеромонахов и иеродиакон, призванных в добровольном порядке из епархий империи. Данная инициатива, ввиду сложившихся в 1917 г. обстоятельств, не внесла заметных изменений в ситуацию. Также не было реализовано на практике решение Второго Всероссийского съезда военного и морского духовенства об организации в полках команд певчих, которые подчинялись бы священнику и, помимо прочих обязанностей, выполняли работы, связанные с погребением тел воинов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Руководственные указания духовенству действующей армии. – 3-е изд. – М.: Тип. Штаба Моск. воен. окр., 1916. – 56 с.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10009.
3. Щербаков, М. Письма из действующей армии / М. Щербаков // Вестник военного и морского духовенства. – 1915. – № 5. – С. 133–138.
4. Щербаков, М. Письма из действующей армии / М. Щербаков // Вестник военного и морского духовенства. – 1915. – № 6. – С. 176–180.

5. Братская могила под г. Опатовым // Вестник военного и морского духовенства. – 1914. – № 23. – С. 794–795.

6. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9749 А.

7. Пастырь-герой // Вестник военного и морского духовенства. – 1916. – № 5. – С. 142.

8. Подвиг священников N-й Кубанской пластунской бригады С. Тихомирова и А. Язловского // Вестник военного и морского духовенства. – 1916. – № 6. – С. 187–190.

9. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10026 Г.

10. Российский государственный военный исторический архив. – Ф. 2044. Оп. 1. Д. 23.

11. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10316.

12. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10306 Ж.

13. Старостенко, Э. В. Второй Всероссийский съезд военного и морского духовенства: монография / Э. В. Старостенко. – Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2022. – 196 с.: ил.

14. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140 Б.

Поступила в редакцию 15.10.2024 г.

Контакты: eleonorastarostenko@mail.ru (Старостенко Элеонора Викторовна)

Starostenko E. V. PARTICIPATION OF MILITARY CLERGY IN THE EVACUATION OF THE BODIES OF FALLEN SOLDIERS FROM THE BATTLEFIELD DURING WORLD WAR I

The article examines the participation of the Orthodox military clergy in solving the problem of removing the bodies of fallen soldiers from the battlefield during World War I. The study provides information about the difficulties that regimental priests faced, and highlights the proposals received from the clergy to resolve the situation. An attempt to organize spiritual and sanitary detachments is analyzed. The article informs about the discussion of the problem at the Second All-Russian Congress of Military and Naval Clergy.

Keywords: orthodox military clergy, World War I, religious activities, burial, spiritual and sanitary detachments.